

превращение — *железа в золото, «быка в козу...»* — приветствуют. Но историческая жизнь алхимии, поддерживаемая реально-мифической неосуществимостью сокровенных чаяний в области истинной *трансмутации*, осуществляла себя мифически-реальной осуществимостью мнимых превращений, замешанных на чернокнижном колдовстве, авантюрном мотовстве, передразнивающим «*обезьянстве*» — изнанке сдержанности и аскетической умеренности канонического средневековья.

Это и составляло социально-историческую жизнь алхимии, ее практику, противостоящую официальной средневековой социально-исторической жизни с ее христианской духовностью. *Данте* видит составность алхимии; переводит на язык правоверного христианина лишь то, что переводимо, переводя и алхимический миф в христианский, изгоняя из христианского мифа чернокнижно-алхимическое — лицедейски-обезьянье. Но такое изгнание сродни обнажению в алхимии... алхимии, средних веков... в средних же веках. Зато выход в иное культурное пространство — ренессанс, новое время. Заметьте, выход в иное мыслится *Данте* как подлинно алхимический — пресуществленчески-оборотнический выход. Но алхимическое лицедейство рядом. Обезьянничающий фальшивомонетчик *Капоккьо* и летающий по воздуху мот и транжир обманщик *Гриффолино* — вот они тут, в пределах средневековой культуры. Нужно обратиться к предсуществованию алхимии, чтобы понять ее жизнь в замкнутом пространстве средневековья.

Итак, доалхимические времена, когда алхимии еще не было, зато были все составившие ее части, но жившие порознь относительно самостоятельной исторической целостностью каждая.

Задним числом легко установить источники и составные части алхимии. Это *папирусные своды*, толкующие о металлоподобных имитациях, которые можно принять за подлинные превращения металлов. Далее *аристотелевская* и *платоновская* традиции: *Аристотель* с его идеей о всеобщей превращаемости вещества и учением об элементах-стихиях и свойствах-качествах и *Платон* в неопифагорейской и неоплатонической версиях александрийцев. Аристотелизм и платонизм (точнее: неоплатонизм) именно в алхимии обрели совместное существование⁹. Четвертым элементом оказался гностицизм, сам имеющий синкретическую природу. Если назвать греческие, египетские, иудаистские, халдейские, персо-зоороастритские, индийские истоки, то, может быть, это исчерпает столь сложный религиозно-идеологический комплекс, каким было гностическое учение в эпоху раннего христианства. Это синтетическое религиоз-

⁹ Этьен Жильсон отвергает ставший общим местом тезис о том, что аристотелизм схоластики сменил платонизм патристики. Господствовали оба течения — *Платон* влиял на развитие христианских идей, а *Аристотель* влиял на опыты догматиков укрепить веру разумом. Далее Жильсон ограничивается лишь пожеланием выявить «живую действенность» обоих течений дохристианской мысли в истории христианства (Хьюбер, 1962, с. 97—98). Между тем именно алхимия оказалась естественным местом «живой действенности» фундаментальных традиций, укорененных в древнегреческой культуре.